

В ЧЕТЫРЕХ СТЕНАХ

Елена РОНГЕ

Он играл мягких интеллигентов и обаятельных мерзавцев. Он всегда разный и в то же время узнаваемый. Везде. В Питере, где работает, и в Москве, где родился. В столице он бывает часто. Обитает в родном доме на Покровке. В той самой квартире, вернее, в одной ее комнате, где появился на свет и жил с родителями и братом. А до революции всю жилплощадь занимал его дед - церковный архитектор. Сейчас здесь коммуналка. Парадное заколочено, а черный ход очень странный: лифт есть, а лестницы нет. Комната - не потанцуешь. С видом на разрушенный дом во дворе. И вся в дыму от нескончаемого «беломора». Оказывается, **БАСИЛАШВИЛИ** курит «беломор». Остальное - очень узнаваемо: рост, обаяние, голос...

Олег БАСИЛАШВИЛИ: АВТОГРАФ ПО РЫНОЧНОЙ ЦЕНЕ

Олег Валерианович, кроме родной Покровки, какие московские места вам особенно дороги?

— Вот вчера с младшей дочкой ходили... Она же петербурженка, ей надо Москву показывать. Зашли в Третьяковскую галерею. Она там никогда не была. Вчера в первый раз видела, как "Иван Грозный убивает своего сына"... А я в Третьяковке - как у себя дома. А я же когда-то учился живописи. Ходил в художественную школу возле Парка культуры. В сорок четвертом, сорок пятом, сорок седьмом... У старшей дочки, Ольги, кстати, есть способности к рисованию, но она ими не воспользовалась. Работает на телевидении директором картины. Есть такая должность.

— На улице вас узнают?

— Странное дело - узнают. Иногда подходят и просят помочь. Никто не знает, как я живу, думаю, у меня ванна, наполненная шампанским, за стеной ждет массажистка... Вчера сидим с дочкой возле Третьяковки, подходит дамочка, просит автограф. Мне так не хотелось отвлекаться, дочка всего на один день приехала. Я и говорю даме: "Автограф стоит семьдесят пять тысяч! Рынок!" Испугалась, ушла...

— Что вас радует сегодня?

— Многое. Я никогда не говорю: "Мы живем в тяжелое время". Ни фи́га подобного! Мы живем в замечательное, очень легкое время. Я не верю стонам какого-нибудь мордатого, который говорит, что ему денег три года не платят. Врет. Есть категория людей, которым действительно сейчас приходится туго. Например, нам, интеллигенции. Но интеллигенция меньше всех стонет, потому что живет с надеждой на будущее. Я - народный артист СССР - получаю в театре шестьсот с чем-то тысяч. Ну и что? Живу, и мои товарищи живут. А сколько театров открыто новых! Сколько интересных (и неинтересных) спектаклей поставлено!

— Вы бываете в Грузии?

— Сейчас - нет, сейчас - как можно "бывать в Грузии"? И билет стоит бешеных денег... Конечно, связан с Тбилиси через отца, сам жил там в эвакуации, там живут мои родственники.

— Грузинская часть характера не просит шумных и долгих застолий с друзьями, с хорошим вином?

— Нет, я не люблю "застольные беседы". Людей, с которыми я был близок, уже нет на этой земле. Я всегда очень рад был встречам с Жорой Бурковым. Он похоронен

недалеко от моей мамы на Ваганьковском. Когда бываю у мамы, всегда навещаю и его.

— У вас счастливая актерская судьба. Вы считаете себя удачливым человеком?

— Да, в каком-то смысле я удачлив. Удача моя в том, что я сам поступил в студию Художественного театра. И окончил ее. Удача в том, что на моем курсе были очень талантливые ребята - Женя Евстигнеев, Михаил Козаков, Татьяна Дорони́на. Удача, что я присутствовал на спектаклях, поставленных еще Немировичем и Станиславским: "Плоды просвещения", "Вишневый сад", "Дядя Ваня". Я все это видел! И выше этого в мире не существует ничего. Ни Эфрос, ни Товстоногов до таких высот не дошли.

— Вы 39 лет работаете в Петербургском Большом драматическом театре. После смерти Товстоногова вам не хотелось уйти из театра?

— Хотелось. Много раз. И теперь хочется. Беда БДТ - особенно это ощутилось после смерти Товстоногова - в том, что мы все время ждали: вот откроется дверь и войдет Гога. За 35 лет работы с ним мы к этому привыкли. К тому, что дверь открывалась в нужный момент. Сегодня я не знаю, для чего хожу в театр. Раньше - знал. И знал, что знает Товстоногов. Может, уйду на пенсию.

— А жить на что будете?

— Есть собственные театральные проекты, концерты. Ну а что делать? Больше я ничего не умею. Гвозди заколачивать, что ли?

— Не страшно вам было запеть - не в образе, не на сцене, а вот так, взять и записать диск "Дождевые псалмы". Вдруг не поняли бы вас?

— Плевать я хотел, поняли или не поняли. Главное - самому сделать то, что собирался. Получилось - и слава Богу!

— В кино сейчас снимаетесь?

— Недавно снялся в маленьком эпизоде у Панфилова. В фильме о Николае Втором. А до этого были "Сны". Вот у меня лежит журнал с фотографией на обложке. Вырежу и на стенку повешу. Пожалуйста - Амалия Мордвинова. Она замечательная актриса. Мы с нею играли в "Снах". У нас очень добрые отношения.

— Молодые актеры кажутся вам более свободными, чем актеры вашего поколения?

— Я принадлежу к постепенно "уходящей натуре", я уже немолодой человек... Конечно, молодые ничем не скованы, они более свободны, чем мы. Но и более поверхностны.

— А зрители, зрительные залы меняются с годами?

— Очень! Во-первых, на "Горе от ума" теперь постоянно свистят телефоны или эти пейджеры-фигейджеры. Во-вторых... Вот ситуация такова: Софья не любит Чацкого, а любит секретаря своего отца, то есть Молчалина. Для тех, кто в зале, такой поворот сюжета - полная неожиданность. Не знают Грибоедова! Или - Астров целует Елену Андреевну, и в этот момент входит с букетом дядя Ваня, который эту Елену Андреевну любит. У зрителей снова шок! Никто Чехова не читал. Раньше я выходил с букетом и передо мной стояла задача: как сыграть реакцию дяди Вани? Сейчас зал сыграет сам.

— Олег Валерианович, вы были депутатом Государственной думы. Зачем пошли в политику?

— Мне это совершенно было не нужно. Просто, понимаете, меня чуть не стошнило, когда в 1993 году, во время путча, я увидел на экране телевизора нескольких актеров, которые говорили: "Сидите дома, не беспокойтесь, не наше это дело". Конечно, наша профессия отгораживает, точнее - отгораживала от реальности, но...

— Вы думали, что ваше присутствие в Думе что-то изменит? Что вы можете что-то сделать?

— А я и сделал. Очень много.

— Вам писали угрожающие письма, "анонимы" звонили домой...

— Это сывки. Сывки писали и звонили. Они боялись подойти на улицу и сказать вот так - лицом к лицу.

— Вы смелый человек?

— Нет, я довольно труслив.

— Домашние вас не отговаривали от хождения в политику?

— Отговаривали, конечно. Я вообще полагаю, что политиком может заниматься только политик. Я себя таковым не считаю. Мне просто казалось, что в определенный период мои усилия были нужны Отечеству. Но я не считаю себя общественным человеком.

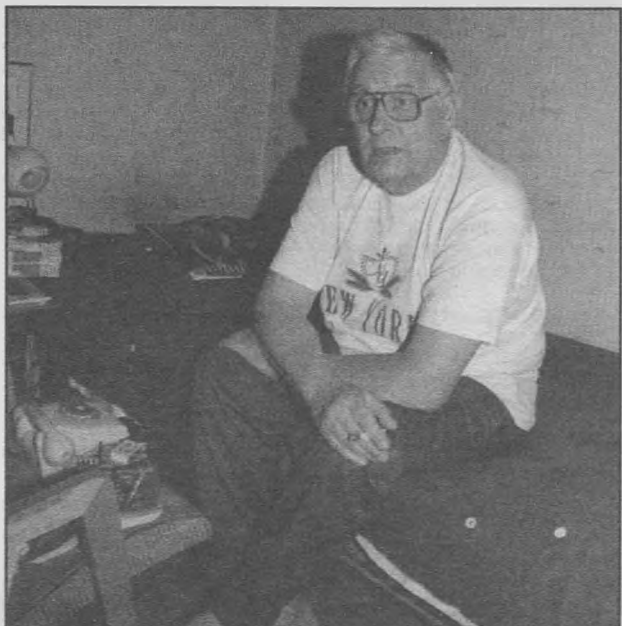
— Вы знаете, что нужно сделать, чтобы сказать себе: "Я доволен"?

— У Чехова в "Трех сестрах" есть такой персонаж, милый человек, но довольно ограниченный, - Кулыгин, муж Маши. Вот он все время говорит: "Я доволен, я доволен, я доволен". Нет, я не доволен собой.

P.S. С 22 мая на канале РТР выходит авторская программа **Олега БАСИЛАШВИЛИ "С потолка"**, посвященная истории БДТ.

Любимые женщины БАСИЛАШВИЛИ: жена Галина, дочери Ольга и Ксения

Олег БАСИЛАШВИЛИ: обитатель московской коммуналки (фото Андрея КУПАВСКОГО)

17.06.98

Басилашвили Олег